

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ.

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

№ 23

Д. С.
ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ

А. С. Панафидиной

Въ книжномъ складѣ А. С. Панафидиной,

Москва, Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ.

Продаются слѣдующія книги:

Александровъ Н. «Народы Россіи». Этнографическіе рассказы для дѣтей. Вып. I. Пустыни Обвера и ихъ кочующіе обитатели. Иллуст. М. Михайшинымъ, А. Шарлеманомъ и др. Изд. 2-е. М., 1898 г. Въ папкѣ ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. М. Н. Пр. отъ 9-го октября 1890 г. за № 24499 Допущена въ учебныя библиотеки всѣхъ среднихъ учебн. завед., въ учительскія библи. низшихъ училищъ, а также въ бесплатныя народн. читальни и библиотеки.

Тоже. Вып. II-й. Иностранцы лѣсовъ Сибири, съ рисунк. Брода и др. М., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к. М. Н. Пр. отъ 9-го октября 1899 г. за № 24499. Допущена въ учебныя библиотеки всѣхъ среднихъ учебн. завед., въ учительскія библи. низшихъ училищъ, а также въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

Тоже. Вып. III-й. Иностранцы лѣсовъ, съ рисунк. О. К. Брода. М., 1900 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ съ золот. тисн. 2 р. 25 к.

Его же. «Волга». Этнографическіе рассказы для дѣтей съ рисунк. Изд. 2-е безъ перемѣнъ. М. 1898 г., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к., въ 1-мъ изд. Одобрено М. Н. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога учебн. библи. средн. учебн. заведеній Вѣд. М. Н. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читальн.

Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г., ц. 10 коп.

Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М., 1897 г., ц. 10 к. М. Н. Пр. 23 іюля 1898 г. № 18447 Допущена въ учебныя библиотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народн. библиот. и читальн. и для публичн. народн. чтеній.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Волжскія степи). М., 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край). М., 1898 г., ц. 10 к. М. Н. Пр. 23 іюля 1898 г. № 18447 Допущена въ учебныя библиотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библиот. и читальни для публичн. народн. чтеній.

Чтеніе 5-е. Крымъ (Жемчужина Россіи) съ 2-ми рисунк. въ текстѣ. М., 1898 г., ц. 10 к. М. Н. Пр. 23-го іюля 1898 г. № 18447 Допущена въ учебныя библиотеки низшихъ училищъ въ бесплатныя народн. библиот. и читальн. и для публичн. народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М., 1899 г. ц. 10 к. М. Н. Пр. 8-го октября 1899 г. за № 24637 Допущена для народныхъ чтеній и бесплатныхъ читателей.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М., 1898 г., ц. 15 к. М. Н. Пр. 8-го октября 1899 г. № 24637 Допущена для народныхъ чтеній и бесплатныхъ читателей.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ) М., 1899 г., ц. 15 к.

Daisy Spies
1919

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ИЗДАНИЕ А. С. ПАНАФИДИНОЙ.

№ 23. ДРАМА ВЪ СТИХАХЪ № 23.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Съ 8-ю иллюстраціями.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.—1907.

Тип. Русскаго Товарищества. Издат. дѣла.
Чист. пруд., Мыльн. пер., с. д. Телеф: 18-35 и 53-95.

А. С. Панафидина

Библиотечный фонд

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 28378

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ И ВОРОТЫНСКИЙ.

Воротынскій: Наряжены мы вмѣстѣ го-
родъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патриархомъ
къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій: Чѣмъ кончится? Узнать не
мудрено:

Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,

И наконецъ, по милости своей,
 Принять вѣнецъ смиренно согласится;
 А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами пра-
 По прежнему, [вить

Воротынскій: Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырѣ съ се-
 строю,

Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни патріархъ, ни думные бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣ-
 щаньямъ,

Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Мо-
 Ни голосу великаго собора. [сквы,
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная монахиня-царица,
 Какъ онъ—тверда, какъ онъ—неумолима:
 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее
 вселилъ.

Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами паскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

Шуйскій: Скажу, что понапрасну
 Лплася кровь царевича-младенца;
 Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить

Воротынскій: Ужасное злодѣйство! Пол-Царевича сгубилъ Борисъ? [но, точно-ль

Шуйскій: А кто же?

Кто подкупалъ папрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло: [былъ
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій: Зачѣмъ же ты его не
уничтожилъ?

Шуйскій: Онъ, признаюсь, тогда меня
смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданной;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто
правый:

Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Боторую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій: Печето, князь.

Шуйскій: А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Феодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Все му внималъ ушами Годунова;

Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ,—
 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня-жѣ сослали бѣ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
 Никая казнь меня не устраситъ;
 Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротын.: Ужасное злодѣйство! Слушай,
 Губителя раскаянье тревожитъ: [вѣрно
 Конечно, кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій: Перешагнетъ: Борисъ не такъ-
 то робокъ!

Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
 Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій: Такъ; родомъ онъ не зна-

Шуйскій: Да кажется. [тенъ; мы знатнѣе.

Ворот.: Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
 Легко сказать—природные князья.

Шуйск.: Природные, и Гюриговой крови.

Воротынск.: А слушай князь, вѣдь мы бѣ
 Наслѣдовать Феодору. [имѣли право

Шуйскій: Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Ворот.: Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій: Что жъ?

Когда Борисъ хитритъ не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынский: Не мало насъ, наслѣд-
никовъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю
отрасль

Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ.
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно). Онъ смѣлъ,
вотъ все—а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Н А Р О Д Ъ.

Одинъ: Неумолчимъ! Онъ отъ себя про-
Святителей, бояръ и патриарха. [Гналь

Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой: О Боже мой, кто будетъ нами
О горе намъ! [править?

Третій: Да вотъ, верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Народъ: Молчать! молчать! Дьякъ дум-
Ш-ш—слушайте! [ный говоритъ;

Щелкановъ (съ Краснаго крыльца): Со-
боромъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.

Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно моле-

Предшествуемъ хоругвями святыми, [бенъ,
Съ иконами Владимірской, Донской,

Воздвигется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди

И весь народъ московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,

Да сжалятся надъ сирюю Москвою
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.

Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ

Усердная молитва православныхъ. (Народъ
расходится).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ: Теперь они пошли къ царницѣ въ
Туда вошли Борисъ и патріархъ [келью;
Съ толпой бояръ.

Другой: Что слышно?

Третій: Все еще

Упрямится; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ): Агу! не плачь, не
[плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

Одинъ: Нельзя ли намъ пробраться за
ограду?

Другой: Нельзя. Буды! и въ полѣ даже
тѣсно,

Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый: Право, любо!

Одинъ: Что тамъ за шумъ?

Другой: Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,

За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣни!

Народъ (на колѣнахъ; вой и плачь): Ахъ,
смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо): О чемъ мы плачемъ?

Другой: А какъ намъ знать? То въ-
Не намъ чета. [даютъ бояре—

Баба (съ ребенкомъ): Ну, что жъ?
Бакъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!.. вотъ бука!
Плачь, баловень! (Ребенокъ плачетъ). Ну,
то-то же!

Одинъ: Всѣ плачутъ—
Занлачемъ, братъ, и мы!

Другой: Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Первый: Я также. Нѣтъ-ли луку?
Потремъ глаза.

Другой: А я слюной намажу.
Что тамъ еще?

Первый: Да кто ихъ разберетъ!

Народъ: Вънецъ за нимъ! онъ—царь!
онъ согласился!..
Борись—нашъ царь! да здравствуетъ Бо-
рисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ: Ты, отче патриархъ, вы всѣ,
 Обнажена душа моя предъ вами: [бояре!
 Вы видѣли, что я приѣмлю власть
 Великую со страхомъ и смиреньемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—
 Наслѣдую и ангелу-царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
 И ниспосли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь дивно возвелъ,
 Священное на власть благословенье:
 Да правлю я во славѣ свой народъ,
 Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре:
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труды я ваши раздѣлялъ,
 Не избранный еще народной волей.

Бояре: Не измѣнимъ присягъ, нами
 данной.

Борисъ: Теперь пойдемъ, поклонимся
 гробамъ

Почтующихъ властителей Россіи, [пирь,
А тамъ—сзывать весь пашь народъ на
Бсѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ; всѣ—гости дорогіе.
(Уходить; за нимъ и бояре).

Воротынскій (остапавливая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

Шуйскій: А что?

Воротынскій: Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій: Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій: Когда народъ ходилъ въ
Ты говорилъ... [Дѣвичье поле,

Шуйскій: Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.

А впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей,
Но вотъ народъ привѣтствуетъ царя—
Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
Иду за нимъ.

Воротынскій: Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ
МОНАСТЫРѢ

(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЬ, ГРИГОРІЙ (спящій).

Пимень (пишетъ передъ лампадой): Еще
одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному Педаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искуству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ помнятъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ...
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною....

Давно-ль оно неслось, событій полно,
 Волнуясь, какъ море-окиянь?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня,
 А прочее погребло невозвратно!...
 Но близокъ день, лампада догораетъ—
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается): Все тотъ же
 Возможно-ль Въ третій разъ! [сонъ!
 Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погружен—
 Онъ лѣтонисъ свою ведетъ; и часто [ный,
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть ого сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ—смиранный, велича-
 вый...

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ постѣ-
 дѣльнѣй,

Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пимень: Проснулся, братъ.

Григорій: Благослови меня,
Честный отецъ.

Пимень: Благослови Господь
Тебя и днесъ, и присно, и во вѣки.

Григорій: Ты все писалъ, и сномъ не
позабылся,

А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждался..
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пимень: Младая кровь играетъ;
Смирій себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Довынь—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —

Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣ-
 Мнѣ чудятся то шумные пиры, [шенъ.
 То ратный станъ, то схватки боевыя,
 Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

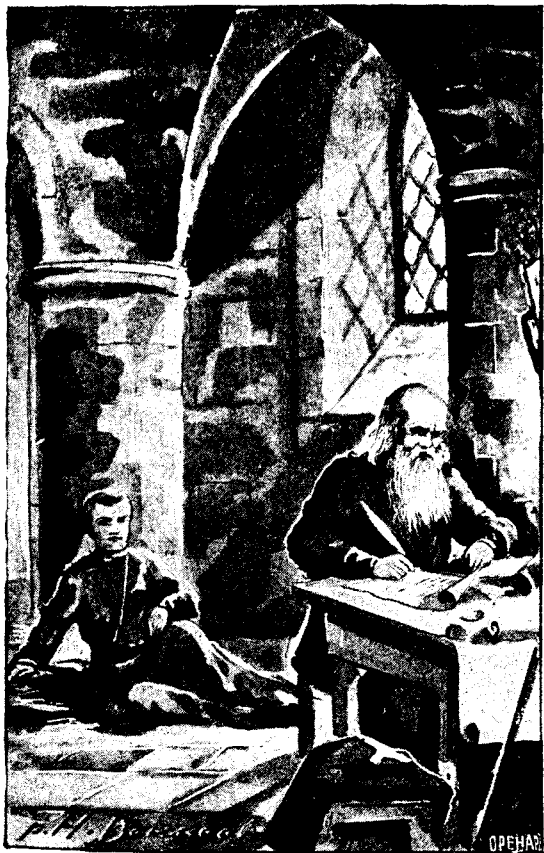
Григорій: Какъ весело провелъ свою
 ты младость!

Ты воевалъ подъ башнями Казани,
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
 Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
 По келіямъ скитаюсь, бѣдный пнокъ!
 Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
 Не пировать за царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
 Отъ суеты, отъ міра отложиться,
 Произнести монашества обѣтъ
 И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ: Не сѣтуй, братъ, что рано
 грѣшный свѣтъ

Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
 И жепская лукавая любовь.

Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:

Кто выше ихъ? Единный Богъ. Кто смѣетъ
Противу ихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжель имъ становилея:
Они его мѣняли на глобугъ.

Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворець, либимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Бромѣшники въ тафляхъ и власницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь — игумномъ богомоль-
нымъ.

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой
кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многостра-
дальный,

Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя;
Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Гроз-
мы передъ нимъ недвижимо стояли, [ный;
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.

Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, Ты, Сергій, ты, Кириллъ,

Вы всё —обѣтъ примите мой духовный:
 Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 И схиму здѣсь честную восприму, [падши. >
 Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, при-
 Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молл-
 лись,

Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной...
 А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житиі
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобратилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Утѣшилась—а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
 И называть великимъ патріархомъ...
 И всё кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святой владыка предъ царемъ

Во храминѣ тогда не находился:
 Когда же онъ преставился, палаги
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
 Ужъ не видать такого намъ царя..
 О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу..
 Мы нарекли.

Григорій: Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія-царевича; въ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ,

Пименъ: Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ усланъ послушанье.
 Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ
 обѣдни,

Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набать;
 Крикъъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
 Спѣшу туда-жъ—а тамъ уже весь городъ.
 Гляжу: лежатъ зарѣзанный царевичъ;
 Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ отчаяннн рыдаетъ;
 А тутъ народъ, остервенясь, волочить
 Безбожную предательницу-мамку..

Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости
 Является Іуда-Битяговскій. [блѣдень,
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
 И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убій-
 Укрывшихся злодѣевъ захватили [цамъ;
 И привели предъ теплый трупъ младенца,
 И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ!

«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
 И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
 Покаялись—и назвали Бориса. [убиенный?

Григорій: Какихъ былъ лѣтъ царевичъ

Пимень: Да лѣтъ семи; ему-бы нынѣ
 было—

(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ,
 больше:

Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ-бы твой
 ровесникъ

И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
 Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
 Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:

Войну и миръ, управу государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны—;
 А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
 И погасить лампаду... Но звонятъ
 Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.
 (Уходитъ).

Григорій: Борисъ, Борисъ! все предъ
 тобой трепещетъ,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца;
 А между тѣмъ отшельникъ въ темной
 кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Багъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Пропущенная сцена.

ГРИГОРІЙ И ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

Григорій: Что за скука, что за горе наше бѣд-
 ное житье?
 День приходитъ, день проходитъ—видно, слыш-
 но все одно:

Только видишь черны рясн, только слышишь
колоколь.

Днемъ зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать печего—
соснешь;

Ночью долгою до свѣта все не спится чернеду.
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя
мутятъ;

Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ
костылемъ...

Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Черезъ ограду,
да бѣгомъ!

Мірѣ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре сто-
Поминай, какъ звали. [роны,

Чернецъ: Правда—ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

Григорій: Хотя бы ханъ опять награнуль,
хоть Литва бы поднялась—
Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться
мечемъ!

Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы
вдругъ воскресъ
И вскричалъ: „а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего, [мой?
Изловите суностата приведите мнѣ его!“

Чернецъ: Полно, не болтай пустого. Мерт-
выхъ памъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено....
Но послушай, если дѣло затѣвать, такъ затѣ-

Григорій: Что такое? [вать....

Чернецъ: Если бъ я былъ такъ же молодъ,
какъ и ты,
Если бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?..

Григорій: Нѣтъ, нисколько.

Чернецъ: Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и но-
визнѣ

А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и
Понимаешь? [твердь....

Григорій: Понимаю.

Чернецъ: Что же скажешь?

Григорій: Рѣшено!

Я—Димитрій, я—царевичъ!

Чернецъ: Дай мнѣ руку; будешь царь!

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Патріархъ: И онъ убѣждалъ, отецъ игу-
менъ?

Игумень: Убѣждалъ, святой владыка,
вотъ ужъ тому третій день.

Патріархъ: Пострѣлъ, окаянный! Да
какого онъ роду?

Игумень: Изъ роду Отрепьевыхъ, га-
лицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду по-
стригся певѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздаль,
въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ от-
туда, шатался по разнымъ обителямъ,

наконецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пшмену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

Патріархъ: Ужъ эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ: *буду царемъ на Москвѣ!* Ахъ, онъ! сосудъ діавольскій! Однако, нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву.. Этака ересь, *буду царемъ на Москвѣ!*.. Поймать, поймать врагоудника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это—ересь, отецъ игумень?

Игумень: Ересь, святой владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

Первый: Гдѣ государь?

Второй: Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый: Тагъ; вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ-бы знать, о чемъ гадаеть онъ?

Второй: Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?

Первый: Какъ онъ угрюмъ! (Уходить).

Царь (входитъ): Достигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;

Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не тагъ-ли

Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Утѣхъ любви, но только утолимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обла-
даньемъ,

Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!..

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долги, дни власти безмятежной

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе.

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славѣ успокоитъ,

Щедротами любовь его снискать,

Но отложилъ пустое попеченье:

Живая власть для черни ненавистна,—

Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ

Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
 Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая,
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснующь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судь: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
 Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!..
 Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Теодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру, царицу,
 Монахиню смиренную... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей уснобонть;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою;
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,

Варлаамъ: Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ. Литва-ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было-бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаиль: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (входитъ): Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаиль: Спасибо, родная, Богъ тебѣ благослови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: „Какъ во городѣ было во Казани“...). Что-же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій: Не хочу.

Мисаиль: Вольному воля...

Варлаамъ: А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ-же чарочку за шинкарочку... (Пьютъ). Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: иное дѣло—пьянство, а иное—чванство; хочешь жить, какъ мы, — милости просимъ; нѣтъ,—такъ убирайся, проваливай: скоморохъ—попу не товарищъ.

Григорій: Пей, да про себя разумѣй,

отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ: А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаиль: Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ: Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхалъ... (Цѣть и поеть: „Молохой черпецъ постригся“).

Григорій (хозяинъ): Буда ведетъ эта дорога?

Хозяйка: Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій: А далече-ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка: Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія да сторожевые приставы.

Григорій: Какъ, заставы! что это значить?

Хозяйка: Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

Григорій (про себя): Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

Варлаамъ: Эй, товарищъ! да ты къ хо-

зайкѣ присуѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка— пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

Мисаиль: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (хозяинъ): Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяина: А Господь его вѣдаетъ, воръ-ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій: Хозяйка! нѣтъ-ли въ избѣ другого угла?

Хозяйка: Нѣту, родимый, рада бы сама сиряться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, огаяннымъ! чтобъ имъ... (Входятъ приставы).

Приставъ: Здорово, хозяйка!

Хозяйка: Добро пожаловать, гости дорогие, милости просимъ.

Одинъ приставъ (другому): Ба, да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться.

(Монахамъ): Вы что за люди?

Варлаамъ: Мы—Божіи старцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію): А ты?

Мисаиль: Нашъ товарищъ...

Григорій: Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отсельъ иду во свояси.

Мисаиль: Такъ ты раздумалъ...

Григорій (тихо): Молчи.

Приставъ: Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами пошьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой приставъ: (тихо): Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

Первый: Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся.—Что, отцы мои, какво промышлете?

Варлаамъ: Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячуть. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велий на языцы земниі. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ кошну, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное прощешь; бѣда да и только.—Охъ, плохо! знать пришли наши послѣднія времена...

Хоз. (плачетъ): Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила).

Первый приставъ: Алеха! при тебѣ-ли царскій указъ?

Второй: При мнѣ.

Первый: Подай-ка сюда:

Мисаиль: Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ: А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ-ли ты это?

Мисаиль: Не слыхалъ.

Приставъ: Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь-ли ты это?

Мисаиль: Не знаю.

Приставъ (Варлааму): Умѣешь-ли ты читать?

Варлаамъ: Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу): А ты?

Мисаиль: Не умудрилъ Господь.

Приставъ: Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаиль: На что мнѣ его?

Приставъ: Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаиль: Я? Помилуй! что ты!

Приставъ: Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка: Ахъ они, окаянные мучители! И старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ: Кто здѣсь грамотный!

Григорій (выступает впередъ): Я грамотный!

Приставъ: Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій: У нашего пономаря.

Приставъ (дастъ ему указъ): Читай-же вслухъ.

Григорій (читаетъ): «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»...

Приставъ (Мисаилу): Какъ-же не ты?

Григорій: «И царь повелѣлъ изловить его»...

Приставъ: И повѣсить!

Григорій: Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ: Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій: И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (Смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ

нѣтъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое». (Всѣ глядятъ на Варлаама).

1-й приставъ: Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не ду- малъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу): Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шу- тить. Я давно не читывалъ и худо раз- бираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. (Читаетъ по складамъ): «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».—Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь—20?

2-й приставъ: Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ (Григорію): Да ты, братъ, видно,—забавникъ. (Во время чтенія, Гри- горій стоитъ потупя голову, съ рукой за па- вухой).

Варлаамъ (продолжаетъ): «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука ко- роче другой, глаза голубые, волосы ры- жіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

Приставы: Держи! держи! (Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКИЙ, множество гостей; ужинъ.

Шуйскій: Вина еще! (Встаетъ, за нимъ и всѣ).

Ну, гости дорогие, [чикъ.

Последній ковшъ! Читай молитву, маль-

Мальчикъ: Царю небесъ, вездѣ и при-
сно сущій!

Своихъ рабовъ моленію внемли:

Помолимся о нашемъ государѣ,

Объ избранномъ тобой, благочестивомъ,

Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,

И на путяхъ, и на одрѣ ночлега;

Подай ему побѣду на враги,

Да славится онъ отъ моря до моря,

Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,

Да осынятъ ея драгія вѣтви [рабамъ,

Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ

Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,

И милостивъ, и долготерпѣливъ,

Да мудрости его нестошимою

Простекутъ источники на насъ:

И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (пьетъ): Да здравствуетъ великій государь!

Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.
(Гости уходятъ, онъ провожаетъ ихъ до дверей).

Пушкинъ: Насилу убрался; ну, князь
Евасилій Ивановичъ, я уже думалъ, что
намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ): Вы, что ротъ разинули?
Все бы вамъ господь подслушивать.
Сбрыайте со стола, да ступайте вонъ.—
Что такое, Аванасій Михайловичъ?

Пушкинъ: Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій: Ну? [шетъ новость.

Пушкинъ: Странную племянникъ
сынъ Грознаго... Постой... (Идетъ къ
дверямъ и осматриваетъ).
Державный отрокъ, [рямъ и осматриваетъ).
Но манію Бориса убіенный...

Шуйскій: Да это ужъ не ново.

Пушкинъ: Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій: Вотъ-на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинь: Послушай до конца:
Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли па-
Иль нѣкій духъ во образъ его, [ревичъ,
Иль смѣлый плуть, безстыдный само-
званецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій: Не можетъ быть!

Пушкинь: Его самъ Пушкинь видѣлъ,
Какъ прїѣзжалъ впервой онъ во дворець
И съвозъ ряды литовскихъ пановъ прямо
Шель въ тайную палату короля.

Шуйскій: Кто-жъ онъ такой? Откуда

Пушкинь: Не знаютъ; [онъ?
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзнул
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигиз-
мунду.

Шуйскій: Что жъ говорятъ объ этомъ
удальцѣ?

Пушкинь: Да слышно, онъ уменъ, при-
вѣтливъ, ловокъ,

По праву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ.
 Обворожилъ. Латинскіе попы
 Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
 И говорятъ, помогу обѣщать. [терьма,

Шуйскій: Все это, братъ, такая ку—
 Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
 Сомнѣнья нѣтъ, что это—самозванецъ,
 Но, признаюсь, опасность не мала.

Вѣсть важная! и если до народа
 Она дойдетъ, то быть грозѣ великой.

Пушкинъ: Такой грозѣ, что врядъ ца-
 рю Борису

Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
 И подѣломъ ему! онъ правитъ нами,
 Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помя-
 нуть).

Что пользы въ томъ, что явныхъ казней
 Что на полу кровавомъ всенародно [нѣтъ,
 Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
 Что насъ не жгутъ на площади, а царь
 Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
 Насъ каждый день опала ожидаетъ,
 Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
 А тамъ въ глуши голодна смерть иль
 Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ? [петля.
 Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы.

Романовы—отечества надежда?—
 Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
 Дай срокъ, тебѣ такая жъ будетъ участь.
 Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, готовые продать,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ—Юрьевъ день здумалъ уничтожить:
 Не властны мы въ помѣстяхъ своихъ,
 Не смѣи согнать лѣнивца! радъ не радъ—
 Борни его! не смѣи переманить
 Работника! не то—въ приказъ холопій.
 Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій: Правъ ты, Пушкинъ.
 Но знаешь-ли? Объ этомъ обо всемъ
 Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ: Вѣстимо,
 Знай про себя. Ты—человѣкъ разумный;
 Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
 И если что меня подъ часъ тревожитъ,
 Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;

Къ тому жъ твоей медъ, да бархатное пиво.
Сегодня такъ языкъ мой развязали...

Прощай же, князь.

Шуйскій: Прощай, братъ, до свиданья.
(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ ЧЕРТИТЪ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТУ.

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ): Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка: И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ — и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана-королевича.

Ксенія: Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна. (Входитъ Борисъ).

Царь: Что, Ксенія? Что, милая моя? Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица! Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.

Дитя мое! судьба мнѣ не судила
 Виновникомъ быть вашего блаженства.
 Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
 Я счастье твое не могъ устроить;
 Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
 А ты, мой сынъ, чѣмъ занять? Это что?

Теодоръ: Чертежъ земли Московской;
 наше царство
 Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ
 Москва,
 Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ
 Вотъ пермскіе дремучіе лѣса, [море,
 А вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое
 Узоромъ здѣсь вѣется?

Теодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ
 Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
 ученья!

Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки..
 Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
 Намъ опыты быстротекущей жизни,
 Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою.
 Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе

Державный путь ты будешь постигать.
 (Входит Семень Годуновъ).
 Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докла-
 домъ.

(Ксенія) Душа моя, поди въ свою свѣт-
 лицу;

Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.
 (Ксенія съ мамкою уходитъ).

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

Семень Годуновъ: Нынче
 Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь
 Василья

И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь: Ну? [несъ сперва,

Семень Годуновъ: Пушкина слуга до-
 Что поутру вчера къ нимъ въ домъ
 прѣхаль

Изъ Бракова гонецъ—и черезъ часъ
 Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь: Гонца схватить.

Семень Годуновъ: Ужъ послано въ до-
 Царь. О Шуйскомъ что? [гоню.

Семень Годуновъ: Вечоръ онъ угощаль
 Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
 Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
 Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
 А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ

Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь: Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семень Годуновъ: Государь!

Онъ здѣсь уже.

Царь: Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ).

Царь: Сношенія съ Литвою! это что?..
Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мя-
тежный,

А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ,

И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь: мой долгъ
Вѣсть важную. [тебѣ повѣдать

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо указывая на Θεодора): Но,
государь...

Царь: Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь, изъ Литвы пришла намъ

Царь: Не та ли, [вѣсть...:

Что Пушкину привезъ вѣторъ гонецъ?

РЕНАРЪ

A. Dem...

Шуйскій: Все знаетъ онъ!.. Я думалъ го-
 Что ты еще не вѣдаешь сей тайны. [сударь,
Царь: Нѣтъ нужды, князь: хочу сообра-
 Извѣстія; иначе не узнаемъ [зѣть
 Мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то,
 Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
 И что король и паны за него.

Царь: Что-жъ говорятъ? Кто этотъ са-
Шуйскій: Не вѣдаю. [мозванецъ?

Царь: Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя дер-
 Ты милостью, радѣньемъ и щедротой [жава,
 Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
 Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
 Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями питается она.

Ей нравится безстыдная отвага;
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Литовскую границу перейдетъ,—
 Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
 Димитріа воскреснувшее имя.

Царь: Димитріа!... Какъ? Этого младенца?
 Димитріа!... Царевичъ, удались.

Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ:
 Θεодоръ: Государь, [быть бурь!..
 Дозволишь-ли...

Царь: Нельзя, мой сынъ, поди.
 (Θеодоръ уходитъ).

Димитрія!...

Шуйскій (про себя): Онъ ничего не зналъ.
 Царь: Послушай, князь: взять мѣры сей же
 Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась [часъ
 Заставами; чтобъ ни одна душа
 Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
 Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ
 воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!

Шуйскій: Иду.

Царь: Постой. Не правда-ль, эта вѣсть
 Затѣйлива? Слыхалъ-ли ты когда,
 Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивать царей, царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
 Смѣшно? а? что? Что-жъ не смѣешься ты?

Шуйскій: Я, государь?...

Царь: Послушай, князь Василій:
 Какъ я узналъ, что отрока сего..
 Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь

Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣсти мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убитаго младенца
 И не было-ль подмѣны? Отвѣчай.

Шуйскій: Клянусь тебѣ...

Царь: Нѣтъ, Шуйскій, не кля-
 Но отвѣчай: то былъ царевичъ? [пись

Шуйскій: Онъ.

Царь: Подумай, князь. Я милость объ-
 Прошедшей лжи опалю напрасной [щаю,
 Не накажу. Но если ты теперь
 Со мной хитришь, то головою сына
 Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
 Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ.
 Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій: Не казнь страшна—страшна
 твоя немилость!

Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
 И могъ-ли я такъ слѣпо обмануться,
 Что не узналъ Димитрія? Три дня
 Я трущъ его въ соборъ посѣщаль,
 Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
 Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
 Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясень,
 И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;

Глубокая не запекалась язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
 Во гробѣ спить.

Царь: Довольно, удались. (Шуйскій уходитъ).

Ухъ, тяжело!... дай, духъ переведу!

Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась...

Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ
 Все снилося убитое дитя! [сряду]

Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.

Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?

Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—

Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣд-

Безумецъ я! чего жъ я испугался? [ства?

На призракъ сей подуѣ—и нѣтъ его.

Такъ, рѣшено: не окажу я страха—

Но презирать не должно ничего...

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПАТЕРЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ.

Самозванецъ: Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ
 Я знаю духъ народа моего— [затрудненъя.

Въ немъ набожность не знаетъ изступ-
Ему священъ примѣръ царя его. [ленья:
Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодуш-
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ [на.
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признаютъ власть намѣстника Петра.

Патерь: Вспомоществуй тебѣ святой
Богда придуть иныя времена. [Игнатій,
А между тѣмъ небесной благодати
Тан въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
Притворствоватъ предъ оглашеннымъ свѣ-
Намъ иногда духовный долгъ велить: [томъ
Твой слова, дѣянья—судять люди;
Намѣренья единый видить Богъ.

Самозванецъ: Амен. Кто тамъ! (Входить

Сказать: мы принимаемъ. [слуга).

(Входить толпа русскихъ и поляковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Бракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,

На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны;
 Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ: Они пришли у мило-
 Просить меча и службы. [сти твоей

Самозванецъ: Радъ вамъ, дѣти.
 Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пуш-
 Красавецъ сей? [кинъ,

Пушкинъ: Князь Курбскій.

Самозванецъ (Курбскому). Имя громко!
 Ты—родственникъ казанскому герою?

Курбскій: Я—сынъ его.

Самозванецъ: Онъ живъ еще?

Курбскій: Нѣтъ, умеръ...

Самозванецъ: Великій умъ! мужъ битвы и
 совѣта!

Но съ той поры, когда являлся онъ,
 Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
 Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгианъ,
 Молва объ немъ умолкла.

Курбскій: Мой отецъ

Въ Волынїи провелъ остатокъ жизни,
 Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
 Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
 Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:

Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковалъ.
Самоз.: Несчастный вождь! какъ ярко про-
 Восходъ его шумящей, бурной жизни [сиялъ
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцовъ не должно вспоминать;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Бурбскій...
руку!

Не странно-ли? сынъ Бурбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да—сына Юанна!...
 Все за меня: и люди, и судьба.
 Ты кто такой?

Полянъ: Собаньскій, шляхтичъ вольный.
Самозванецъ: Хвала и честь тебѣ, свободы
 Впередъ ему треть жалованья выдать [чадо!
 Но эти кто? Я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это—наши.

Хрущовъ (бьетъ челою): Такъ, государь,
 отецъ нашъ. Мы твои

Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Бъ тебѣ, нашъ царь—и за тебя готовы
 Главами лечь, да будутъ наши трупы
 На царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самозванецъ: Мужайтесь, безвинные
страдальцы!

Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что-жъ новаго въ Москвѣ?

Хрущовъ: Все тихо тамъ теперь; но
Спасеніе царевича провѣдалъ, [ужъ народъ
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ: О добрые, несчастные бо-
Но кровь за кровь! и горе Годунову! [яре!
Что говорятъ о немъ?

Хрущовъ: Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И враченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влачитъ,
И—думаютъ—его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

Самозванецъ: Какъ врагъ великодуш-
Борису я желаю смерти скорой: [ный,
Не то—бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречь намѣренъ онъ?

Хрущовъ: Онъ замысловъ своихъ не
объявляетъ,
Но, кажется, что молодого сына,
Феодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

Самозванецъ: Въ разчетахъ онъ, бытъ-
ты кто? [можетъ, ошибется.]

Нарела: Казакъ; къ тебѣ я съ Дона
посланъ

Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ ата-
мановъ.

Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣтъ твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ: Я зналъ донцовъ: не
сомнѣвался видѣть

Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.

Благодаримъ донское наше войско.

Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки

Неправедно притѣснены, гонимы;

Но если Богъ поможетъ намъ вступить

На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ

Пожалуемъ нашъ вѣрный, вольный Донъ.

Поэтъ: (приближается, кланяясь низко, и
хватаетъ Гришку за полу): Великій принцы
свѣтлѣйшій королевичъ!

Самозванецъ: Что хочешь ты; [госклонно]

Поэтъ: (подаетъ ему бумагу): Примите бла-
сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ: Что вижу я? Латинскіе
стихи!

Стократъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
 Родился я подъ небомъ полунощнымъ.
 Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
 И я люблю парнасскіе цвѣты.
 Я вѣрую въ пророчества пѣтвовъ.
 Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
 Гипитъ восторгъ благословится подвигъ,
 Его жъ они прославили заранѣ!
 Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
 Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень).

Когда со мной свершится
 Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
 Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
 Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный
 ГИМНЪ.

Musa gloriam coronat gloriaque musam.
 И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.
 Всѣ: Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ
 Димитрій!
 Да здравствуетъ великій князь московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ, (убираетъ ее). СЛУЖАНКИ.

Марина (передъ зеркаломъ): Ну, что-жъ?

готово-ли? нельзя-ли поспѣшить?

Рузя: Позвольте—напередъ рѣшите вы-
боръ трудный:

Что вы надѣнете, жемчужную-ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?

Марина: Алмазный мой вѣнецъ.

Рузя: Прекрасно! Помните, его вы на-
дѣвали,

Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы бли-
стали:

Мужчины ахали, красавицы шептали...

Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ
первый разъ

Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣ-

А точно, говорятъ, на васъ [лился.

Бто ни взглянулъ, тотъ и влю-

Марина: Нельзя-ли поскорѣй? [бился.

Рузя: Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.

Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ;

Не могъ онъ утаить восторга своего;

Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его

Сразить рѣшительнымъ ударомъ.

А точно, панна, онъ влюбленъ:

Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,

Забывъ войну, московскій тронъ,

Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
И бѣснтъ русскихъ и поляковъ.
Ахъ, Боже мой, дождусь-ли дня?..

Не правда-ли, когда въ свою столицу
Дмитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня? [буду я?

Марина: Ты развѣ думаешь, царицей
Рузя: А кто-жъ, когда не вы? Кто смѣетъ
красотою

Равняться здѣсь съ моею госпожою?
Родъ Мнишковъ ни чьему еще не уступалъ;
Умомъ—превыше вы похваль...

Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья
удостоитъ.

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ—
Кто-бъ ни былъ онъ, хоть нашъ ко-
Или французскій королевичъ, [роль,
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

Марина: Онъ точно царскій сынъ и при-
[знанъ цѣлымъ свѣтомъ.

Рузя: А все-жъ онъ былъ прошедшею
У Вишнивецкаго слугой. зимой

Марина: Скрывался онъ.

Рузя: Не спорю я объ этомъ.
А только знаете-ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?

Что будто онъ—дьячекъ, бѣжавшій изъ
 Москвы,

Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

Марина: Какія глупости!

Рузя: О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,
 Благословлять еще судьбу, когда сердечно
 Вы предпочли его другимъ.

Служанка (вбѣгаетъ): Ужъ гости съѣха-

Марина: Вотъ видишь: ты до свѣта [лись.

Готова пустяки болтать,

А между тѣмъ я не одѣта...

Рузя: Сейчасъ, готово все (служанки су-
 етятся).

Марина (про-себя): Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ.
 МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

Мнишекъ: Онъ говоритъ съ одной моею
 Мариною одною занять онъ... [Мариной,
 А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну, думалъ ты—признайся, Вишневецъ-
 Что дочь моя царицей будетъ? а? [кій --
 Виш.: Да, чудеса... И думалъ-ли ты, Мнишекъ,

Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

Мнишень: А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
Не упускай Димитрія!.. и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.
(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ Мариной въ первой парѣ).

Марина (тихо Димитрію): Да, ввечеру,
въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

Кавалеръ: Что въ ней нашелъ Димитрій?

Дама: Какъ! она—

Красавица.

Кавалеръ: Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...
(Новая пара).

Дама: Онъ не красивъ, но видъ его пріи
И царская порода въ немъ видна. [ятенъ;
(Новая пара).

Дама: Когда-жъ похоть?

Кавалеръ: Когда велитъ царевичъ.
Готовы мы; но, видно, панна Мнишень
Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

Дама: Пріятный плѣнъ.

Кавалеръ: Конечно, если вы...
(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

Мнишекъ: Мы, старики, ужъ нынче не
 танцуемъ,
 Музыки громъ не призываетъ насъ,
 Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣ-
 луемъ...
 Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
 Теперь не то не то, что прежде было!
 И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла;
 И красота не такъ ужъ весела;
 Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.
 Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
 Венгерскаго, обросшую травой,
 Велимъ открыть бутылку вѣковую,
 Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
 Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
 А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
 Пойдемъ же, братъ.

Вишневецкій: И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

Самозванецъ (выходитъ). Вотъ и фон-
 танъ; она сюда придетъ.
 Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
 Передъ собой вблизи видалъ я смерть:
 Предъ смертію душа не содрогалась.

Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались—я духомъ не смутился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неодолимый трепеть?
 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣтъ, это—страхъ. День цѣлый ожидалъ
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ оболещу ея надменный умъ,
 Какъ назову московскою царицей;
 Но часъ насталъ—и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутитъ мое воображенье...
 Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ...
 тише...

Нѣтъ, это—свѣтъ обманчивой луны,
 И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина (входитъ): Царевичъ!

Самозванецъ: Она!... вся кровь во мнѣ

Марина: Димитрій! вы? [остановилась.]

Самозванецъ: Волшебный, сладкій гелосъ!

(Идетъ къ ней). Ты-ль, наконецъ? Тебя ли
вижу я,

Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?

Какъ медленно катился скучный день!

Какъ медленно заря вечерня гасла!
 Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномы!
Марина: Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье [время—
 Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
 Соединить судьбу мою; то вправѣ
 Я требовать, Дмитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣ-
 потой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная твоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница московскаго царя.

Самозван.: О, дай забыть хоть на единый
 Моей судьбы заботы и тревоги! [часъ
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго тобою,
 Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!

Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина: Не время, князь: ты медлишь,

и межъ тѣмъ

Приверженность твоихъ клеветовъ сты-

Чась отъ часу опасность и труды [нетъ;

Становятся опаснѣй и труднѣе;

Ужъ носятя сомнительные слухи,

Ужъ новизна смѣняетъ новизну;

А Годуновъ свой приемлетъ мѣры...

Самозванецъ: Что Годуновъ? Во власти

ли Бориса

Твоя любовь, одно мое блаженство?

Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно

На тронъ его, на царственную власть.

Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,

И славы блескъ, и русская держава?

Въ глухой стени, въ землянкѣ бѣдной—ты,

Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;

Твоя любовь...

Марина: Стыдись! не забывай

Высокаго святого назначенья:

Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть

Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.

Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.

Не юношѣ, кипящему безумно,

Плѣненному моею красотой—

Знай, отдаю торжественно я руку

Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ: Не мучь меня, преле-
стная Марина,

Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ извишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда-бъ не царское рожденье
Назначила слѣзная мнѣ судьба,
Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда-бъ... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина: Димитрій ты, и быть инымъ
Другого мнѣ любить нельзя [не можешь;

Самозванецъ: Нѣтъ! полно —
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей;
Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
Всю истину; такъ знай-же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замысль отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ

Бъ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался—
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.

Что скажешь ты, надменная Марина?

Довольна-ль ты признаніемъ моимъ?

Что-жь ты молчишь?

Марина: О стыдъ! о горе мнѣ! (Молчаніе).

Самозванецъ (тихо): Куда завлекъ меня
порывъ досады!

Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.

Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу,
Стыдишься ты не княжеской любви; [вижу:

Такъ вымолви-жь мнѣ роковое слово,
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;

Рѣши: я жду. (Бросается на колѣна).

Марина: Встань, бѣдный самозванецъ!

Не мнишь-ли ты колѣнопреклоненьемъ,

Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,

Тщеславное мнѣ сердце умилишь?

Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала

Я рыцарей и графовъ благородныхъ;

Но ихъ мольбы я хладно отвергала

Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ): Не презирай
младого самозванца;

Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
 Достойныя московскаго престола,
 Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина: Достойныя позорной петли,
 дерзкій!

Самозван.: Виновенъ я; гордыней обуян-
 Обманывалъ я Бога и царей — [ный,
 Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
 Меня казнить: я правъ передъ тобою.
 Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

Марина: Чѣмъ хвалится, безумецъ!
 Кто требовалъ признанья твоего?
 Ужъ если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
 Достойныи быть успѣха своего,
 И свой обманъ отважный обезпечить
 Упорною, глубокою, вѣчной тайной.
 Могу-ли скажи, предаться я тебѣ,
 Могу-ли, забывъ свой родъ и стыдъ дѣви-
 Соединить судьбу мою съ твоею, [чій,
 Когда ты самъ съ такою простотою,

Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
 Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ: Клянусь тебѣ, что сердца
 Ты вымучить одна могла признанье; [моего
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
 Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой
 языкъ.

Марина: Клянешься ты! и такъ, должна
 я вѣрить.

О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя-ль узнать:
 Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный приемышъ езуитовъ?
 Иль честію, какъ витязь благородный,
 Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ
 словомъ,

Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

Самозванецъ (гордо). Тѣнь Грознаго
 меня усыновила,
 Димитріемъ изъ гроба нарекла,

Вокругъ меня народы возмутила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ,
 Предъ гордою полячкой унижаться.
 Прощай навѣкъ; игра войны кровавой,
 Судьбы моея обширныя заботы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
 О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
 Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
 Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
 Найду ли смерть, какъ воинъ, въ битвѣ
 честной.

Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моею,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
 Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина: А если я твой дерзостный
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу? [обманъ]

Самозванецъ: Не мнишь ли ты, что я
 тебя боюсь?

Что болѣе повѣрять польской дѣвѣ,
 Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
 Что ни король, ни папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ—что имъ за дѣло?

Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишъ и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина. Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ москов-
Тогда за мной шли брачнаго посла; [скій—
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я. (Уходитъ).

Самозванецъ: Нѣтъ—легче мнѣ сра-
жаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мо-
И путаетъ, и вьется, и ползетъ, [чи нѣтъ:
Скользить изъ рукъ, шипитъ, грозить и
жалить.

Змѣя!.. змѣя! Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: завтра двину рать

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16-го октября).

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ И САМОЗВАНЕЦЪ, ОБА ВЕР-
ХАМИ. ПОЛКИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ БЪ ГРАНИЦЪ.

Курбскій (прискакавъ первый): Вотъ, вотъ
она, вотъ русская граница.

Святая Русь! отечество! я твой!

Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ но-
Онъ мнѣ родной! Твоя теперь душа, [вый:
О, мой отецъ, утѣшилась, и въ гробъ
Опальные возрадутся кости! [мечъ,
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ
Сей славный мечъ—гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ—слуга царей москов-
скихъ!

Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежду-государя!..

Самозванецъ (ѣдетъ тихо съ пониженной го-
ловой).

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изг-
Забывъ отцомъ снесенныя обиды, [нанѣ,

Его вину за гробомъ искупивъ,
 Ты кровь излить за сына Іоанна
 Готовишься, законнаго царя
 Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
 Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій: Ужель и ты не веселишься
 духомъ?

Вотъ наша Русь: она—твоя царевичъ!
 Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
 Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ: Кровь русская, о Курб-
 скій, потечеть!

Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
 Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
 Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!

Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
 А на тебя, Борисъ-цареубійца!
 Впередъ!

Курбскій: Впередъ! и горе Годунову!
 (Скачуть. Полки переходятъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ И ВОЯРЕ.

Царь: Возможно ли? Разстрига, бѣглый
 инокъ

На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,

Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
 Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
 Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
 Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ: Государь,
 Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ—
 И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
 Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
 Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
 Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Царь: Мнѣ свейскій государь
 Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
 Но не нужна намъ чуждая помощь—
 Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
 Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
 Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать
 Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
 Чтобъ на коня садились и людей
 По старинѣ на службу высылали;
 Въ монастыряхъ подобно отобрать
 Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
 Когда бѣдой отечеству грозило,
 Отшельники на битву сами шли:

Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ—
 Пусть молятся за насъ они: таковъ
 Указъ царя и приговоръ боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
 Вы знаете, что наглый самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродить шопоть,
 Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
 Предупредить желалъ бы казни я, [вѣй,
 Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты пер-
 Святый отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ: Благословень Всевышній,
 поселившій

Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій государь;
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
 Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
 Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
 Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
 Бѣсовскій сынъ разстрига окаанный,
 Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
 Онъ именемъ царевича, какъ ризой

Украденной, безстыдно облачился;
 Но стоитъ лишь ее раздрать—и самъ
 Онъ наготой своею посрамится. [лаеть:

Самъ Богъ на то намъ средство посы-
 Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
 Благословилъ на царскую державу—
 Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ од-
 нажды

Простой пастухъ, уже маститый старецъ.
 И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ,
 я ослѣпъ,

И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
 До старости: напрасно я лечился
 И зелиемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
 Напрасно я ходилъ на поклоненье
 Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
 Напрасно я изъ кладязей святыхъ
 Бропилъ водой цѣлебной темны очи—
 Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
 Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
 И въ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
 Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 А снилися мнѣ только звуки. Разъ [лосъ
 Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій го-
 мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди

Ты въ Угличь-градъ, въ соборъ Преоб-
 раженья,
 Тамъ молишь ты надъ моею могилою,
 Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
 Но кто-же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ.
 И я теперь великій чудотворецъ
 Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
 Что-жь? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ,
 Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье. [Богъ
 Пойду—и въ путь отправился далекій.
 Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 Въ святыи соборъ, и слушаю обѣдню,
 И, разгорясь душой усердной, плачу
 Такъ сладостно, какъ-будто слѣпота
 Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 Когда народъ сталъ выходить, я внуку
 Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня—и только передъ гробомъ
 Я тихую молитву сотворилъ,
 Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ)

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ [мощи
Архангельскомъ; народъ увидить ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

Князь Шуйскій: Святыи отецъ, кто
вѣдаетъ пути

Всевышняго? Не мнѣ его судить.

Нетлѣнный сонъ и силу чудотворца
Онъ можетъ дать младенческимъ остан-
Но надлежитъ народную молву [камъ;
Ислѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя-ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ тол-
Умы людей не время волновать [новъ;
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;

Но есть на то иныя средства—проща.
 Такъ, государь, когда изволишь ты,
 Я самъ явлюсь на площади народной,
 Уговорю, усовѣщу безумство
 И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь: Да будетъ такъ! Владыка патри-
 Прошу тебя пожаловать въ палату: [архъ,
 Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ, за нимъ и всѣ бояре).

Одинъ бояринъ (тихо другому): Замѣ-
 тиль ты, какъ государь блѣднѣлъ,
 И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй: Я, признаюсь, не смѣлъ под-
 нять очей,

Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый: А выручилъ князь Шуйскій.
 Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СЪ-
 ВЕРСКАГО.

(1604 года 21 декабря).

Б И Т В А.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ): Бѣда, бѣда!
 Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

(Входятъ капитаны. Маржереть и Вальтеръ
 Розень).

Маржереть: Куда, куда? Allons. пошѣль назадъ!

Одинъ изъ бѣглецовъ: Самъ пошѣль, боли есть охота, проклятый басурманъ.

Маржереть: Quoi? quoi?

Другой: Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго царевича; а мы вѣдь—православные.

Маржереть: Qu'est-ce à dire pravoslavni? Sacrés gueux maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour iuir.

В. Розень: Es ist Schande.

Маржереть: Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. Розень: Sie haben Recht.

Маржереть: Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col! — Qu'en pensez-vous, mein Herr?

В. Розень: Ja.

Маржереть: Hé! voyez donc, voyez

donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmannoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розень: Ich glaube das (входят пѣмцы).

Маржереть: Ha, ha! voici nos allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розень: Sehr gut. Halt! (нѣмцы троится). Marsch!

Нѣмцы (Идутъ) Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

Ляхи: Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

Димитрій (верхомъ): Ударить отбой! Мы побѣднили. Довольно! Щадите русскую кровь! Отбой!

(Трубить, бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ
ВЪ МОСКВѢ.

Н А Р О Д Ъ.

Одинъ: Скоро-ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой: Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый: Что? ужъ проклинали того?

Другой: Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ—анаѣма!

Первый: Пускай себѣ проклинаятъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой: А царевичу поютъ вѣчную теперь память.

Первый: Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій: Чу! шумъ. Не царь-ли?

Четвертый: Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обѣшанный веригами и окруженный мальчишками).

Мальчишки: Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... трррр...

Старуха: Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый: Дай, дай, дай копѣчку.

Старуха: Вотъ тебѣ копѣчка; помилуй же меня.

Юродивый (садится на землю и поетъ):

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

Одинъ изъ нихъ: Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ). Экъ она звонить!

Юродивый: А у меня кофѣчка есть.

Мальчишка: Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ кофѣчку и убѣгаетъ).

Юродивый (плачетъ): Взяли мою кофѣчку, обижаютъ юродиваго.

Народъ: Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре).

Юродивый: Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь: Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый: Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре: Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь: Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

(Уходитъ).

Юродивый (ему вслѣдъ): Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

С Ъ В С К Ъ .

САМОЗВАНЕЦЪ, ОКРУЖЕННЫЙ СВОИМИ.

Самозванецъ: Гдѣ плѣнный?

Ляхъ: Здѣсь.

Самозванецъ: Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнникъ).

Кто ты?

Рянинъ.

Плѣнникъ: Рожновъ, московскій дво-

Самозванецъ: Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ: Съ мѣсяць будетъ.

Самозванецъ: Не совѣстно, Рожновъ,
ты поднялъ мечъ? [что на меня

Плѣнникъ: Какъ быть, не наша воля.

Самозванецъ: Сражался ты подъ Сѣ-
верскимъ?

Плѣнникъ: Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

Самозванецъ: Что Годуновъ?

Плѣнникъ: Онъ очень былъ встрево-
Потерею сраженья и раной [женъ
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ: А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ: Царь наградилъ его за услуги
честью

И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

Самозванецъ: Онъ въ войскѣ былъ
Ну, что въ Москвѣ? [нужнѣе.

Плѣнникъ: Все, слава Бога, тихо.

Самозванецъ: Что? ждуть меня?

Плѣнникъ: Богъ знаетъ, о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣ-
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому [ютъ
И голову. Такая, право, притча—
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ на-
На площади, гдѣ человѣка три [биты.
Сойдутся—глядь—лазутчикъ ужъ и влет-
А государь досужною порою [ся.
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ: Завидна жизнь Борисо-
Ну, войско что? [выхъ людей!

Плѣнникъ: Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ: Да много-ли его?

Плѣнникъ: Богъ вѣдаетъ. [цать?

Самозванецъ: А будетъ тысячь трид-

Плѣнникъ: Да наберешь и тысячь пять-
десять.

(Самозванецъ задумывается: всѣ смотрятъ другъ
на друга).

Самозванецъ: Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ: А говорятъ о мплости твоей, Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и воръ, А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь): Такъ это я на дѣлѣ Имъ докажу. Друзья, не станемъ ждать Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ: Назавтра бой. (Уходить).

Всѣ: Да здравствуетъ Димитрій! [десять,
Ляхъ: На завтра бой! Ихъ тысячь пять-
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячь
Съ ума сошелъ.

Другой: Пустое другъ: пол ягъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ: Да, вызовешь! а какъ дой-
детъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ: Когда-бъ ты былъ при саблѣ,
дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ
этимъ бы смирилъ.

Плѣнникъ: Нашъ братъ - русакъ безъ
сабли обойдется:
Не хочешь-ли вотъ этого, безмозглый!

(Показываетъ кулакъ. Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходить. Всѣ смѣются).

Д Ъ С Ъ.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ копь издыхающій).

Самозванецъ: Мой бѣдный конь! какъ
бодро поскакалъ

Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.

Мой бѣдный конь! [жалѣеть,

Пушкинъ (про себя): Ну, вотъ о чемъ
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ: Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ: Куда, онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идеть къ коню): Мой бѣд-
ный конь!.. что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(Разсѣдываетъ копя. Входятъ нѣсколько ля-
Здорово, господа! ховъ).

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбіе колосья, облѣщили;

Но мечь его всѣхъ выше подымался,
А грозный влигъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ-жъ витязь мой?

Ляхъ: Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ: Честь храброму и миръ его
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло! [душѣ!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ уже! десятого повѣшу!
Разбойники!

Пушкинъ: Кто тамъ не виноватъ,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ: А дѣло было наше;
Я было снялъ передовую рать—
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей-Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ: А гдѣ то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ: Да здѣсь въ лѣсу. Чѣмъ
это не ночлегъ?

Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ
Спокойна ночь. [въ Рыльскѣ.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засы-
паетъ).

Пушкинъ: Пріятный сонъ, царевичъ!
 Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
 Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
 Хранить его конечно Провидѣнье;
 И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Царь: Онъ побѣжденъ, какая польза въ
 мы тщетною побѣдой увѣнчались: [томъ?
 Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
 Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
 Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
 Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
 Пошлю тебя начальствовать надъ ними—
 Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить!
 Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
 И гибильный обычай уничтожить.

Басмановъ: Ахъ, государь, стократъ
 [благословенъ
 Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
 Съ раздорами, съ гордыней родословной
 Пожретъ огонь.

Царь: День этотъ недалекъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ: Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ;
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что-жь? Конемъ спокойно всадникъ
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ. [править,

Царь: Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ;
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже
(Входитъ бояринъ).

Что?

Бояринъ: Привели гостей иноплеменныхъ

Царь: Иду принять; Басмановъ погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить. (Уходитъ).

Басмановъ: Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ прокля-
Управиться; и много, много онъ [тымъ

Еще добра въ Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умѣ его родилась;
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломить рогъ боярству родовому!
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У царскаго престола стану первый...
 И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
 (Тревога. Бояре, придворные служители въ
 безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ)!

Одинъ: За лѣкаремъ!

Другой: Скорѣе къ патриарху!

Третій: Царевича, царевича зоветь!

Четвертый: Духовника!

Басмановъ. Что сдѣлалось такое?

Пятый и Шестой: Царь занемогъ, царь

Басмановъ: Боже! [умираетъ.

Пятый: На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ
 упалъ,

Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
 (Царя выносятъ на стулѣ; все царское
 семейство; всѣ бояре).

Царь: Подите всѣ—оставьте одного
 Царевича со мною. (Всѣ удаляются). Умираю;
 Обнимемъ. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
 Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
 Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
 Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!

Но чувствую—мой сынь, ты мнѣ дороже
 Душевнаго спасенья... такъ и бытъ!
 Я подданнымъ рожденъ, п умереть
 Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
 Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
 Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
 Ты царствовать теперь по праву станешь;
 А я за все одинъ отвѣчу Богу.
 О, милый сынь, не обольщайся ложно,
 Не ослѣпляй себя ты добровольно.
 Въ дни бурные державу ты приѣмлешь:
 Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ—
 Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
 Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушен-
 Могъ удержать смятенъе и мятежъ; [ный,
 Передо мной они дрожали въ страхѣ;
 Возвыситъ гласъ измѣна не дерзала;
 Но ты—младой, неопытный властитель,
 Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
 Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
 Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
 Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
 Совѣтника, во-первыхъ, избери
 Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
 Любимаго народомъ, а въ боярахъ
 Почтеннаго породой или славой—
 Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ

Искусный вождь: Басманова пошли
 И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
 Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣль со мною въ ду-
 Ты знаешь ходъ державнаго правленья; [мѣ,
 Не измѣняй теченья дѣль. Привычка—
 Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
 Возстановить опалы, казни—можешь
 Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
 Какъ твоего благословляли дядю,
 Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
 Со временемъ и понемногу снова
 Затягивай державныя бразды,
 Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
 Будь милостивъ, доступенъ къ инозем-
 Довѣрчиво ихъ службу принимай. [цамъ.
 Со строгостью храни уставъ церковный;
 Будь молчаливъ; не долженъ царскій го-
 На воздухъ теряться по пустому; [лосъ
 Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣ-
 щать

Велику скорбь или великій праздникъ.
 О, милый сынъ! ты вступишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
 Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость:
 Кто чувствами въ порочныхъ наслаждень-
 Въ молодые дни привыкнеть утопать, [яхъ

Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣеть.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Феодоръ (на колѣнахъ): Нѣтъ, нѣтъ, жи-
ви и царствуй долголѣчно—
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь: Все кончено — глаза мои тем-
И чувствую могильный хладъ... [нѣютъ,
(Входятъ патриархъ, святители; за ними всѣ
бояре; царю вѣдутъ подъ руки; царица
рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! схима... такъ! святое постриженъе...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ вѣльей.
Повремени, владыка патриархъ:
Я—царь еще... Внемлите вы, бояре:
Се то, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Феодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробъ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь ли?

Бояре: Клянемся.

Царь: Я доволенъ.
 Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
 И вольныя, и тайныя обиды...
 Святой отецъ, приближься, я готовъ.
 (Начинается обрядъ постриженія. Жен-
 щинъ въ обморокъ выносить).

С Т А В К А.

БАСМАНОВЪ ВВОДИТЪ ПУШКИНА.

Басмановъ: Войди сюда и говори свобод-
 И такъ, тебя во мнѣ онъ посылаетъ? [но
 Пушкинъ: Тебѣ свою онъ дружбу пред-
 лагаетъ

И первый санъ по немъ въ московскомъ
 царствѣ.

Басмановъ: Но я и такъ Феодоромъ высоко
 Ужъ вознесенъ; начальствую надъ вой-
 скомъ;

Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
 И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

Пушк.: Ты присягалъ наслѣднику пре-
 Законному; но если живъ другой, [стола
 Законнѣйшій?...

Басмановъ: Послушай, Пушкинъ, полно;
 Пустого мнѣ не говори! я знаю,

Кто онъ такой.

Пушкинъ: Россія и Литва
 Димитріемъ давно его признали;
 Но впрочемъ я за это не стою.
 Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
 Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
 Я вѣдаю, что рано или поздно
 Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ: Пока стою за юнаго царя,
 Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
 Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
 Побѣдою я ихъ одушевлю.

А вы кого противъ меня пошлете,
 Не казака-ль Барелу, али Мнишка?
 Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ: Ошибся ты: и тѣхъ не на-
 берешь.

Я самъ скажу, что войско наше—дрянь,
 Что казаки лишь только села грабятъ,
 Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
 А русскіе... да что и говорить—
 Передъ тобой не стану я лукавить;
 Но знаешь-ли, чѣмъ сильны мы, Ба-
 мановъ?

Не войскомъ, нѣтъ не польскою помощью,
 А миѣніемъ—да, миѣніемъ народнымъ.
 Димитрія ты помнишь торжество

И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А воеводѣ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно-ль ваши рати
 Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
 А нынче-ль?.. Нѣтъ, Басмановъ, поздно
 спорить

И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше-ли тебѣ
 Дать первому примѣръ благоразумный—
 Дмитрія царемъ провозгласить
 И тѣмъ ему навѣки услужить?
 Какъ думаешь?

Басмановъ: Узнаете вы завтра.

Пушкинъ: Рѣшишь.

Басмановъ: Прощай.

Пушкинъ: Подумай же, Басмановъ.
 (Уходитъ).

Басмановъ: Онъ правъ, онъ правъ:
 вездѣ измѣна зрѣеть:

Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
 Чтобъ и меня бунтовщики связали
 И выдали Огрешеву? Не лучше ль
 Предупредить разрывъ потока бурный,
 И самому.... Но измѣнить присягѣ!

Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
 Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ (миромъ).
 Подымете вы руки на царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ: Вѣстимо нѣтъ.

Пушкинъ: Московскіе граждане!
 Миръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца;
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 И трудъ, и гладь—все испытали вы.
 Димитрій-же васъ жаловать намѣренъ,
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, рат-
 ныхъ,
 Гостей, купцовъ—и весь честной народъ.
 Вы ль станете упрямитъ ся безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на царственный престолъ
 Своихъ отцовъ въ сопровожденіи грозномъ.
 Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога,
 Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
 Смиритесь; немедленно пошлите
 Къ Димитрію во станъ митрополита,
 Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
 Да бьютъ челомъ отцу и государю. (Сходитъ.
 Шумъ пародный).

Народъ: Что толковать? Бояринъ правду
молвилъ.

Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!
Мужинъ на амвонѣ: Народы! народы!
въ Кремль! въ царскія палаты!

Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (несется толпою): Вязать! топить!

Да здравствуетъ Димитрій!

Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У
КРЫЛЬЦА.

Феодоръ подь окномъ.

Нищій: Дайте милостыню Христа ради!

Стража: Поди прочь; не велѣно говорить
съ заключенными.

Феодоръ: Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя:
ты на волѣ.

(Ксенія подь покрываломъ под-
ходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа: Братъ да сестра—
бѣдные дѣти, что птички въ рѣбѣтѣхъ.

Другой: Есть о комъ жалѣть? Проклятое
племя!

Первый: Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки
невинны. [падаетъ!]

Другой: Яблоко отъ яблони не далеко

Ксенія: Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Феодоръ: Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія: Ахъ, братецъ, сердце замираетъ. (Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ).

Народъ: Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ. (Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа: Зачѣмъ они пришли?

Другой: А вѣрно приводитъ къ присягѣ Феодора Годунова.

Третій: Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!... Тревога!... дерутся!

Народъ: Слышишь? визгъ! Это—женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты—крики замолегли—шумъ продолжается. (Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

Мосальскій: Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛВСТВУЕТЪ.

„Иллюстрированная Пушкинская библиотека“
(издание А. С. Панафидиной) состоитъ изъ
слѣдующихъ 35 книжекъ:

1. Исторія Пугачевского бунта. Съ 3 иллюстр. Ц. 20 к.
2. Сказка о царѣ Салтантѣ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 4 к.
3. Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ. Съ 1 ил. Ц. 2 к.
4. Пѣсни Западныхъ Славянъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 4 к.
5. Въсѣ баллады и легенды. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 10 к.
6. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
7. Русланъ и Людмила. Съ 6 иллюстраціями. Ц. 10 к.
8. Навплавскій яблоницъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
9. Братья-разбойники. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 2 к.
10. Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
11. Евгений Онегинъ. Съ 5 иллюстраціями. Ц. 20 к.
12. Графъ Нулинъ. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 2 к.
13. Полтава. Съ 4 иллюстраціями. Ц. 6 к.
14. Выстрѣлъ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
15. Галубъ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
16. Мѣдный всадникъ. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
17. Анджею. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
18. Скупой рыцарь. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
19. Моцартъ и Сальери. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
20. Наменный гость. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
21. Царь во время чумы. Съ иллюстраціями. Ц. 2 к.
22. Русалка. Съ 3 иллюстраціями. Ц. 3 к.
23. Борисъ Годуновъ. Съ 8 иллюстраціями. Ц. 10 к.
24. Цыганы. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
25. Арапъ Петра Великаго. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
26. Дубровский. Съ 4 иллюстраціями. Ц. 10 к.
27. Шетель. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 3 к.
28. Гробовщикъ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
29. Домикъ въ Коломнѣ. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 2 к.
30. Станціонный смотритель. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 3 к.
31. Барышня-крѣстьянка. Съ 1 иллюстраціей. Ц. 4 к.
32. Калитанская дочка. Съ 10 иллюстраціями. Ц. 20 к.
33. Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 1 иллюстр. Ц. 3 к.
34. Пяковая дама. Съ 2 иллюстраціями. Ц. 5 к.
35. Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 3 иллюстр. Ц. 2 к.